

Николай Петрович Вагнер

Мила и Нолли

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0008
III.....	.0017
IV.....	.0023
V.....	.0026
VI.....	.0038
VII.....	.0043
VIII.....	.0046
IX.....	.0052
X.....	.0055
XI.....	.0061
XII.....	.0063
XIII.....	.0066
XIV.....	.0071

Н. П. Вагнер
МИЛА И НОЛЛИ

У одного короля была дочка, которую звали Милой. Мила была тихая, кроткая девочка, и каждый, кто проходил мимо нее, говорил:

— Посмотрите, какие у ней добрые голубые глазки, розовое личико и чудные волосы, они сами вьются локонами, и вся она точно херувимчик с вербочки.

Мила крепко любила своего доброго отца, а матери у ней не было. Она умерла, когда Мила была еще очень маленькой девочкой.

Вскоре король женился на другой царевне и сказал Миле, чтобы она любила и ласкала новую королеву, как родную мать. Но королева была злая и не полюбила Милу. Она не полюбила ее за то, что все любовались на нее и говорили при этом, что Мила не ее дочь. Она не полюбила ее и за то, что царь всегда ласкал и целовал, и называл ее: моя дорогая, ненаглядная крошка!

По вечерам, когда закатывалось румяное солнце и царь с царицей и с Милой сидели на большой террасе в саду перед светлым прудом,

дом, на котором плавал белый лебедь, царь говорил:

— Спой мне, милая крошка, мою любимую песню.

И Мила пела тонким, серебристым голоском:

*По синему озеру Лебедь плывет,
Лебедь, мой Лебедь, серебряный
Лебедь,
И звонко он чудную песню поет.
Он песню поет о свободе святой,
Поет о далеких родимых водах,
Поет о блестящих и ясных звездах.
А воды и рощи полны тишиной,
И светлая зорька горит над водой.*

И когда Мила пела, то Лебедь подплывал и слушал песню. Она очень нравилась ему, и он хлопал от удовольствия крыльями, а царица ворчала и говорила, что в этой глупой песне нет ни склада, ни ладу!

Что бы ни сделала Мила, что бы ни сказала, царица за все про все ее бранила, а иногда и колотила. Она не давала ей есть по целым

дням и спать по ночам.

— Отчего ты худеешь, моя дорогая Мила? — спрашивал царь.

— Оттого, что крепко люблю тебя, мой милый тату! — И она со слезами целовала его.

У царицы был стремянной, который ездил с нею на охоту. Он был рыжий, горбатый и кривоглазый. Раз царица позвала его и сказала:

— Дрянная девчонка, царская дочка, мне не дает спокойно ни пить, ни есть, ни спать. Пока она жива, мне жизнь не в жизнь. Сослужи мне службу верную, и я тебя по гроб не забуду... Возьми ты хорошенькую змейку, тихоню Милу, что приколдовала к себе сердце царево, посади ее в мешок и брось в глубокий пруд на дно: пусть она там лежит и поет свою глупую песню про белого Лебедя.

И стремянной прокрался ночью в комнату Милы, схватил ее с ее постельки, зажал ей ротик, чтобы она не кричала, опустил в мешок, завязал его и бросил в пруд. Все кругом спали. Не спал только один Лебедь. Он все видел, и как только стремянной бросил Милу в воду, он нырнул и схватил мешок. Потом он выта-

щил его на берег и расклевал веревки. Тогда Мила вышла из мешка, и он сказал ей:

— Садись скорее на меня и полетим далеко-далеко за сине море, на Зеленый Бархатный остров, а здесь злая царица непременно зарежет тебя или отравит.

— Ах, — сказала Мила, — я охотно бы улетела, но как же я оставлю моего дорогого тату! Он умрет без меня с тоски.

— Э, нет! — сказал Лебедь, — он потоскует и забудет. Притом царица, когда не будет тебя здесь, помирится с ним, и они будут жить счастливо.

Тогда Мила встала на колени и поклонилась в ту сторону, где была спальня царя.

— Прощай, мой милый тату, — сказала она. — Спи спокойно, с богом... Забудь скорее свою дочку и будь, дорогой мой, счастлив, а я никогда, никогда тебя не забуду!

Потом она горько заплакала и села на Лебедя, обхватив ручками его шею, а Лебедь широко взмахнул белыми крылами, закинул назад голову, громко закричал на прощанье и полетел с нею далеко-далеко...

На синем Море-Океане стоит Зеленый Бархатный остров; он весь в кустах и цветах, в нем растут высокие деревья с сладкими плодами, и летают хорошенькие райские птички с золотыми перышками. Туда Лебедь отнес Милу.

— Живи здесь, — сказал он. — Кушай сладкие плоды, играй цветочками, а райские птички будут петь тебе веселые песенки!

Но Миле было скучно посреди сладких плодов, красивых цветов и песен райских птичек. Лебедь плескался перед нею в воде, он пригонял ей к берегу целые стада золотых рыбок, он приносил ей чудные жемчужные раковины, пел звонкие, лебединые песни. Но Миле было скучно...

— Вот что я сделаю, — подумал Лебедь, — я принесу к ней еще девочку или мальчика, и вдвоем им не будет скучно. — И он полетел в далекое царство.

Там, в одной бедной деревушке, жил мальчик сиротка, которого звали Нолли. У него не было ни отца, ни матери, и каждый обижал

его и потешался над ним, как над собакой, и спал он в собачьей конуре вместе с кудлатой собачкой Волчком.

Один раз Нолли сильно отколотили за то, что он не мог донести большую корзину с яблоками, уронил ее и разронял яблоки. Тогда он горько заплакал и сказал:

— Нет, не хочу я больше терпеть такой жизни! Не мил мне божий свет, не мила родная земля! Пойдем, Волчок, бродить по белу свету, пойдем искать себе доли у добрых людей! — И он пошел с Волчком в лес, из лесу через болото в поле. Шел день, шел два, ел ягоды и корешки, а Волчок бежал за ним и ловил маленьких птичек.

Наконец, пришли они на берег моря. Нолли сел на берегу, на камень, и горько стало ему.

— Куда я пойду, — думал он, — впереди море, позади злые люди... Видно, для бедной сиротинки свет клином сошелся. Утоплюсь я в синем море, похороню в нем мое сиротское горе. Никому я не нужен. Прощай, вольный свет и мой Волчок, прощай моя жизнь бесталанная.

А море шумело и пенилось, волна плыла за волной, и по синим волнам тихо подплывал к берегу белый Лебедь.

— Погоди топиться! — сказал он Нолли; — еще нужна твоя жизнь такой же, как и ты, горемычной сиротинке, что живет одна-одинехонька без отца, без матери, как былиночка на камешке, на далеком Зеленом острове. Бери свою собачку, садись ко мне на спину и полетим скорей.

Целых семь дней добирались они до острова. Как обрадовалась Мила, увидав Лебеда и с ним новых друзей: Нолли и кудластого Волчка.

И стали они все жить на острове. Мила называла Нолли своим милым, дорогим братом, а Нолли целый день не отходил от своей названной ненаглядной сестрицы. Они рассказывали друг другу про свою прежнюю жизнь и ходили гулять по острову. Волчок весело бежал впереди, а они, взявшись за руки, шли бодро за ним. Вокруг них летали райские птички, садились им на плечи и пели чудные песни. По кустам цвели такие прекрасные цветы, а по ним порхали красивые бабочки, у

которых крылья блестели как яхонты, сапфиры, рубины и изумруды. Из кустов к ним выбегали хорошенькие, маленькие зверьки с умными черными глазками, и Мила кормила их разными ягодами и орехами, которые Нолли собирал по дороге, а зверьки весело пищали, становились на задние лапки и прыгали, помахивая своими пушистыми хвостиками. Потом выходили Мила и Нолли на берег и собирали на песке красивые, пестрые и серебристые раковины. По вечерам Нолли играл на свирели, которую сделал из тростника, что рос на берегу моря, а Мила слушала его и засыпала, положив свою головку к нему на колени. Иногда Нолли пел ей песню о том, как живут божьи птицы на вольной воле, без забот и печали. Порой Миле хотелось и самой спеть ему свою песню о Лебеде, но она не могла, потому что только запоет она:

По синему озеру Лебедь плывет...

как голос ее начинал дрожать, а из глаз текли слезы. Она тотчас вспомнила о своем отце, который был там далеко-далеко, и которого она, может быть, никогда не увидит. Она

вспоминала, как он каждый вечер приходил в ее комнатку, как он крепко целовал ее, крепил и приговаривал:

— Спи, моя родная крошка, и не случится с тобой никакой беды и несчастья! Но тихо, невидимо собиралось новое горе над головками Милы и Нолли.

Узнала вдруг царица, что жива Мила, и где она живет. Был у нее друг закадычный, злой колдун, который жил на высокой горе в крепком замке, за семью стенами. Иногда он обращивался черным вороном, летал кругом, всем каркал беду и прилетал повидаться с царицей, которую крепко любил. Раз вечером он прилетел на окно к ней и сказал:

— Я летал далеко, далеко, был на чудном Зеленом острове, что лежит на Море-Океане: на этом острове живет хорошенькая девочка Мила, с мальчиком Нолли и кудлатой собачкой, а вокруг острова плавают и сторожат их белый Лебедь. Он вытащил Милу из озера, куда ее бросил твой стремянной, и унес на Зеленый Бархатный остров. Как только услышала об этом царица, она от злости вся посинела.

— Полетим скорей на Зеленый остров, —

сказала она колдуну, — я сверну голову этому глупому, дерзкому Лебедю, и все там их гадкое гнездо разорю дотла.

— Хорошо, — сказал колдун.

Настала ночь, зашумела буря-гроза, закаркал громко Ворон, и прилетела огромная летучая мышь.

— Садись и полетим! — сказал Ворон.

Села царица на летучую мышь, и они отправились. Впереди летел черный ворон, за ним на летучей мыши летела злая царица, а за ней неслась черная туча с вихрем и громом.

И летели они сильнее ветра и бури и к полночи примчались на Зеленый остров. Но не дремал Лебедь и зорко сторожил кругом острова. Он видел, как утром прилетал на него черный ворон, садился на большом дереве и громко каркал.

— Ну, быть беде! — подумал Лебедь, и все смотрел в ту сторону, где жила царица. Вдруг он увидел, что в той стороне низко над водой показалась тучка. Он вострепнулся и начал громко кричать. На крик его прибежали Мила и Нолли с Волчком.

— Бегите скорей за мной по берегу, — сказал Лебедь. — Показалась зловещая тучка, чуется мое сердце, не с градом и громом летит она сюда, а несет она за нами погоню.

Бежимте! — И он тихо полетел над водой, а Мила и Нолли побежали за ним, и Волчок впереди. Бежали час, и два, и три, а тучка летит и растет все шире и выше. Бегут Мила и Нолли, бегут, запыхались, а тучка черной тучей обхватила чуть не полнеба, и потемнело ясное небо.

— Ой! — говорит Мила, — братец мой Нолли, дорогой мой Лебедь, нет у меня сил бежать больше, — и упала она на белый песок.

А с тучи уж веет ветер, и видит сквозь кусты Лебедь, как летит впереди тучи, чернеет черный ворон, а за ним злая царица на летучей мыши.

— Бежимте! бежимте! — кричит он, а сам летит впереди.

Схватил тогда Нолли свою милую сестрицу, схватил на руки и побежал за Лебедем. А из тучи летит уже вихорь, гром гремит, удар за ударом, и близко, близко подлетает к острову черный ворон.

— Сюда, сюда! — кричит Лебедь и, выбиваясь из последних сил, спотыкаясь и падая, подбегают Нолли с Милой к груде больших серых камней, что лежали на берегу.

— Скорей, скорей, отвалите этот камень! — кричит Лебедь.

Но нет больше силы у Нолли и Милы, пробуют они, толкают, толкают камень и не могут его сдвинуть. Тогда Волчок завизжал и принялся помогать им. Он быстро начал рыть и подрылся под камень.

— За мной! — вскричал Лебедь и нырнул под камень. За ним следом влез Волчок, а за ним пролезли Мила и Нолли. Под камнем была глубокая пещера, и все четверо они ушли в нее.

А ворон с царицей уже были на острове.

— Ага! — кричала царица, — вот где их поганое гнездо!

И она махала руками, и при каждом взмахе молнии летели и били во все стороны, а от ударов грома земля дрожала. С треском падали и загорались высокие деревья, а вихорь вырывал их с корнями, рвал, метал и разбрасывал далеко кругом в бурное море. Пылали

леса и кусты с чудными цветами и плодами, горела трава, трескались камни. Напрасно бедные хорошенькие зверьки искали спасения и старались высоко выпрыгнуть из травы или укрыться в норках. Их палило огнем, душило дымом, раскаленная земля жгла их, и они падали и умирали в страшных муках. Напрасно золотые райские птички с жалобным криком кружились над огнем, — им негде было присесть, под ними было пламя и море. И они, усталые, запыхавшись, падали в огонь и горели. Высоко летели по ветру, неслись огненным вихрем огромные искры. Как от громадного костра, большими, широкими клубами поднимался дым от острова. Яркое зарево блестело, разливаясь в черных тучах по далеким морским волнам... Так погиб, сторел Зеленый Бархатный остров!

Вышли на другой день из подземелья Мила и Нолли, выползли Лебедь с Волчком.

Всплеснула ручками Мила и ужаснулась. Кругом был смрад, клубился густой дым и расстилался как синий туман, а сквозь этот туман сквозила черная обгорелая земля и груды пеплу, да кое-где виднелись деревья без листьев, с черными сучками. Далеко по морю плавали разбросанные черные бревна. А от раскаленного камня тихо подымался белый пар. Ни кустика, ни травки!

— Мои добрые зверьки, мои хорошенькие птички! что случилось с вами? горевала Мила.

— Где же мы теперь жить будем? Неужели в этом сыром подземелье? спрашивал Нолли.

— Не беспокойтесь, не тужите! — утешал их Лебедь, — велико Море-Океан. Не один на нем Зеленый остров. Унесу я вас на Голубые острова. Мы жить будем там. Там лучше нам будет и дальше от наших лихих врагов. Садись ко мне опять на спину. Мила, и полетим, я отвезу тебя, а Нолли с Волчком подождут здесь. Через трое суток я вернусь за ними. —

И понес Милу Лебедь на Голубые острова.

Дивно прекрасны были эти острова! Лазурное море было кругом них, и вечно ясное, синее небо над ними. Ни бури, ни ветры не налетали на это море, и только порой широкие волны тихо набегали и мирно плескались в пологие берега, точно баюкали каждый остров. И каждый остров как будто спал под пологом голубого прозрачного тумана.

Много было этих островов. И посреди них один больше, выше и лучше других. На нем жила владетельница всех Голубых островов, добрая фея Лазура, в чудном волшебном дворце из голубого хрусталя. Каждый остров имел свое имя. Лебедь принес Милу на остров Попугаев, который был ближе всех других к несчастному сгоревшему Зеленому острову. Как только он опустил Милу на берег, множество попугаев прилетело к ней — и какие все они были красивые и вместе смешные. Одни были белые, с большим высоким хохлом, другие розовые, третьи были чудного голубого цвета, с длинными хвостами и с оранжевой грудью! Были красные с синими крыльями. Были и зеленые, с красной грудью и белой го-

ловой. Все ярко блестели на солнце, страшно кричали, хлопали крыльями и кланялись Миле.

Отдохнул Лебедь, оставил Милу с попугаями и полетел за Нолли на Зеленый остров. Подлетел он к острову и ахнул. Не было на нем ни обгорелых деревьев, ни пней, ни камней, ни пеплу. Весь был остров размыт, и волны далеко взбегали на его берега. Подлетел Лебедь к подземелью и ужаснулся. Не было уж на нем камней. Широко чернелся открытый вход в него, и вода плескалась там. Водой залито было все подземелье до самых краев. Не верит глазам своим Лебедь, полетел он дальше, кружится над островом, смотрит во все стороны, кричит изо всех сил:

— Нолли! Нолли! — Но нет нигде Нолли, — не видно, не слышно, только волны шумят и плещут в берег, обдают его белой пеной!..

— Утонул! — вскричал Лебедь, — утонул! И, опустившись в изнеможении на воду, завернул под крыло свою голову...

Часа два-три сидел Лебедь на волнах и горевал. Наконец, взмахнул крыльями и с жалобным стоном полетел назад к Миле. А Мила

ждет не дождется дорогих друзей.

Целый день и целых три дня Мила сидит на берегу и все смотрит в ту сторону, куда улетел Лебедь, а попугаи садятся с ней, и тоже ждут милого Нолли, и дремлют, тихо качаясь на тонких ветках.

На третью ночь Мила ждала до утренней зорьки, а на утренней зорьке подул сонный ветерок, свежунчик, подул прямо на Милу, и как она сидела, так и заснула.

Тихо прилетел Лебедь. Он принес с собой корзинку, которую Нолли сплел для Милы, еще когда они жили на Зеленом острове, — он нашел эту корзинку далеко в море. Она плыла и качалась на синих волнах. Подлетел Лебедь к Миле и положил ей на колена корзинку. Это было теперь все, что осталось от Нолли. Проснулась Мила, схватила корзинку и бросилась к Лебедю. Она целовала его, обнимала.

— Здравствуй, мой дорогой, ясноокий Лебедь! А где же мой милый Нолли и что значит эта корзинка?

— Эту корзинку, — сказал Лебедь — прислал тебе Нолли на память. Он уплыл далеко

на самое дно Моря-Океана, в золотые луга и коралловые рощи.

Побледнела Мила и прислонилась к дереву, а корзинка выпала из ее маленьких ручек и покатилась к синему морю...

И шли дни за днями, скучные, тяжелые дни. — Так же прекрасны были Голубые острова, так же лазурно небо и море, так же роскошны зелень и цветы.

— Ах! — думала Мила, — зачем все так хорошо, ведь этим не может любоваться мой мертвый братец Нолли?! Он лежит там далеко, на дне холодного моря, и его бедное тело едят теперь большие черные раки! — И она целовала корзинку, ту самую маленькую корзинку, которую принес ей Лебедь и которую сделал ее Нолли.

Иногда по вечерам, когда красное солнышко опускалось в лазурное море и море блестело розовым светом, Мила садилась на берегу перед Лебедем. Тихий остров становился еще тише, покойнее, все попугаи сидели молча вокруг Милы, а она, положив свою головку на ладони, смотрела в ту сторону, где далеко-далеко был Зеленый Бархатный остров и где те-

перь лежал ее милый Нолли.

— Травка, травка зеленая! — шептала она, — каждый вечер плачешь ты холодными чистыми росинками; отчего же я, несчастная, не могу плакать, отчего все слезы мои застыли в моем бедном сердце? Ах! если б я могла их выплакать, как бы спокойно уснуло это больное сердце, а теперь оно будет тосковать, метаться и биться всю ночь, и я вместе с ним. — И Мила не смыкала глаз до самого рассвета, пока, наконец, утренний ветерок, свежунчик, не навевал тихого сна на эти усталые, сухие глазки.

IV

Раз, вечером. Мила сидела по обыкновению с своим другом Лебедем на берегу моря и смотрела вдаль. Что-то темное плыло к берегу, но что такое, нельзя было разобрать вдали. Зорко смотрел, нахмурился. Лебедь и, наконец, решил, что это плывет пустая бочка. Но впереди бочки еще что-то плыло, и еще пристальнее стал всматриваться Лебедь: что бы это такое было?! Наконец, он весь встрепенулся, подошел к Миле и начал ласкаться.

— Что, мой Лебедь, — спрашивает Мила, — что ты там увидел?

Но ничего не говорит Лебедь, только смотрит на Милу своими светлыми, умными глазами. Ближе и ближе подплывает бочка к берегу, и видит уже Мила, что бочка не пустая, что в ней что-то белеет и движется, а впереди плывет большая кудластая собака и только одна голова ее видна из воды. Ближе подплывает она вместе с бочкой, пристальнее вглядывается Мила: она уже слышит, как визжит и лает собака, и вдруг по тихой воде, сквозь мертвую тишину, прозвенел в воздухе и доле-

тел до Милы тонкий голосок:

— Мила, Мила, дорогая моя Мила!

Вся задрожала, услышав этот голосок, Мила. Обезумев, не помня себя, она бросилась к морю и упала бы в него, если б не удержал ее Лебедь.

— Нолли!.. — хочет закричать Мила и... не может. Нолли! — шепчет она, и вся дрожит, и краснеет, и бледнеет. — Друг мой, милый Лебедь, ведь это Нолли, ведь он не во сне к нам плывет?!. Да! — И вдруг брызнули и полились в три ручья слезы из светлых глазок Милы; она припала к Лебедю, целует его глаза, шею, крылья, она рыдает и смеется и гладит Лебеда маленькими ручками, а попугаи кричат. — Нолли плывет! Нолли плывет! Милый Нолли! — а Волчок визжит и лает, и гребет из последних сил к берегу. Он везет большую черную бочку, а в ней стоит светлый и радостный Нолли и протягивает руки к своей милой, ненаглядной Миле...

И столько было тут радости при этом радостном свидании, и слез, и милых слов, и смеху, и поцелуев, что даже и в сказке не найти. И стал Нолли рассказывать, как он спасся

от потопления и прибыл к Голубым островам...

А ночь давно уж лежала над островом и над морем, а на всем темно-синем небе горели светлые, яркие звезды, и все они отражались в море, как в зеркале. Словно и там было темно-синее небо с яркими, светлыми звездочками. Мила и Нолли сидели рядом, взявшись за руки, и смотрели на эти звезды. А деревья все уснули, а Волчок давно уже спал, и спали, обступив его кругом, попугаи. И долго в эту ночь не могла спокойно уснуть Мила. Она дремала, вздрагивала и просыпалась. Она вспоминала, что ее милый Нолли тут, он не умер, жив, возвратился и подле нее, и сердце у нее так сладко замирало. Она шептала: «Милый, милый мой Нолли!» — и снова тревожно засыпала.

Весело зажили Мила и Нолли на острове Попугаев. Да и чего же не доставало им для их веселья? Они жили без нужды, забот и горя. У них было постоянно чисто, как новое, их платье, потому что у всех, кто жил на Голубых островах, никогда платья не изнашивались, не рвались и не пачкались. Попугаи приносили им множество плодов, больших, сочных орехов, бананов и кокосов; они ели их сырыми или испеченными в горячей золе и кормили ими также Волчка. Над ними было постоянно голубое, ясное небо, а вокруг тихое, лазурное море. Весь остров был, как райский сад, и они жили на нем, как в раю. Они бежали, резвились, смеялись, играли с Волчком, играли с попугаями. Они были счастливы и веселы. Чего им не доставало?

— Скажи мне, Нолли, — говорила раз Мила, сидя вечером под большим деревом, — скажи мне, когда ты, вот так, закроешь глаза и долго сидишь молча и потом вдруг откроешь их, тебе не кажется, что ты был где-то далеко, далеко, и что кругом тебя все незнако-

мое, чужое?..

— Нет, — сказал Нолли и закрыл глаза, и они оба сидели так долго и молча, закрыв глаза.

— А не кажется тебе, Нолли, — вдруг спросила Мила, — не кажется тебе, когда ты так сидишь, закрыв глаза и сложив на груди руки, что ты лежишь в глубокой, глубокой могиле, и там тебе хорошо и спокойно?

— Мила! — вскричал Нолли, задрожав. Он бросился к ней и схватил ее за руки.

Дорогая Мила, зачем ты это говоришь! Разве ты не любишь меня, разве нам не хорошо здесь?!

Она молча смотрела своими ясными голубыми глазками на него, и вдруг две слезинки выкатились из этих глазок и побежали по щекам.

— Мне скучно, Нолли, — прошептала она, — мне скучно, дорогой мой! Я живо представляю себе, как больно было моему сердцу, когда я считала тебя погибшим. Ах! я никогда не желала бы, чтобы эта ужасная боль снова вернулась. Я знаю, что я теперь должна быть счастлива... а мне чего-то недостает, Нолли,

мне грустно, скучно, даже с тобой, моим дорогим другом.

На старом острове было все так хорошо, так свежо и молодо. Старые деревья смотрели вечно юными, старые попугаи умирали, и на место их являлись новые, и никто не замечал этой замены.

Иногда Миле казалось, что все это так и должно быть и что лучше этого ничего быть не может. Но когда она исходила весь остров вместе с Нолли, когда каждый день и целый день перед ее глазами было все одно и то же, были те же деревья и цветы, и небо, и море, и попугаи, то она закрывала глаза, и невольно спрашивала; неужели все это будет вечно одно и то же, одно и то же?

И ей казались несносными, невыносимо скучными и вечно голубое небо, и вечно тихое море, и вечно зеленые деревья, и цветы, и веселые попугаи. Она сидела и думала: отчего все хорошее не может казаться постоянно хорошим? Отчего посреди всех этих дивных красот сердце тоскует, и рвется, и просится куда-то в далекую даль? Она думала, не манит ли ее туда, где она жила очень малень-

кой девочкой с ее дорогим отцом, где была ее родина, где синело широкое озеро в густой зелени высоких деревьев, по которому плавал друг ее, белый Лебедь?

— Но ведь и там, — думала Мила, — все одно и то же.

Думала, думала Мила, где лучше? и не могла придумать, а Нолли спрашивал:

— О чем ты думаешь, моя Мила?

И Мила не могла сказать, о чем ноет ее сердце, чего жаждет оно. Она не хотела сказать, что ей скучно, потому что боялась огорчить своего милого Нолли. Он придумывал разные новые игры и занятия: они прокладывали новые тропинки, строили беседки, устраивали плотины на веселых, серебристых ручьях, строили маленькие мельницы на быстрых, пенистых каскадах, учили говорить попугаев. Но Миле было скучно.

— Все одно и то же, одно и то же! — часто шептало ее бедное, тоскующее сердце.

А между тем время тихо тянулось. Незаметно уплывали годы.

Мила росла и хорошела. Из маленькой, хорошенькой девочки разворачивалась чудная

девушка. Тонкая, стройная, как гибкая речная тростиночка, с тихой, плавной поступью, с тихой, певучей речью. Приветливо улыбался ее маленький ротик, приветливо светились ее светлые, задумчивые глазки. И вся она была таким милым существом, что каждый, кто увидал бы ее, невольно остановился бы в изумлении, любуясь, дивясь и думая:

— Есть много всяких красот на белом свете, но нет ничего милей и лучше такой милой девушки!

Но некому было, кроме Нолли и Лебеда, любоваться на Милу, зато и любовался и любил ее Нолли за всех людей, как только способно любить человеческое сердце, ее, свою названную, дорогую, ненаглядную сестру Милу.

Он ведь и сам уж давно вырос из мальчишков и был чуть не целой головой выше Милы. На его мужественном смуглом лице, окаймленном черными, густыми волосами, уже пробивались маленькие усики.

И были забыты ими детские забавы. По целым дням, по целым вечерам, до глубокой ночи, Мила и Нолли сидели, держась за руки,

без дела, без мысли, все проникнутые еще незнакомым, новым для них чувством, которое могучей, ласкающей волной обхватило все существо их и несло их куда? — они сами не знали. Раз они оба пришли утром к Лебедю.

— Лебедь, — заговорила Мила, — держа Нолли за руку, и серебряный голосок ее дрожал и звенел в утреннем тумане, а все лицо сияло глубоким счастьем. Лебедь, дорогой друг мой, — говорила она, — я привожу к тебе уж не брата Нолли, а моего дорогого жениха!..

И она, оставив руку Нолли, начала ласкать Лебедея и припала своим покрасневшим лицом к его лебяжьей груди.

— Скажи мне, серебряный мой Лебедь, ведь мы будем счастливы? Да! Да! Да! и она целовала его голову и его умные, светлые глаза, а Лебедь махал крыльями и вырывался от ее поцелуев.

— Постой! — сказал он, наконец, освободившись из ее мягких объятий, постой! Я сам не знаю, о чем ты меня спрашиваешь, но этот вопрос гораздо важнее, чем ты думаешь. Са-

дитесь вы оба сюда, на этот большой камень. Садитесь и выслушайте то, о чем я должен теперь рассказать вам.

И Мила и Нолли сели, обнявшись, на камень, а Лебедь начал свой рассказ под тихий, мирный плеск морской волны.

ИСТОРИЯ ЛЕБЕДЯ

«Моя родина здесь, на Голубых островах. Говорят, что я вышел из белой водяной лилии, другие рассказывают, что в меня превратился белый цветок махровой азалии, но это все равно. Я был таким же прекрасным юношей, как ты, Нолли, я был в среде множества сверстников, таких же стройных и красивых, как ты, я был в толпе чудных девушек, если не таких милых, как Мила, то таких же прекрасных и пышных, как прекрасны махровые, пышные розы. И лучше всех их блестела и сияла ослепительной красотой наша царица, наша дивная фея Лазура. Весело, беззаботно неслась наша жизнь среди бесконечного ряда пиров и всяких наслаждений; вся она была бесконечным весельем. Мы резвились, играли, пели и танцевали, вечно довольные

всем, вольные, как воздушные птицы, веселые, как дети, беззаботные, как мотыльки, что вьются около цветов и блестят под светлыми лучами весеннего солнца. Чего нам не доставало?! Ах! я тогда не знал ни страдания, ни горя людского. Теперь, да! только теперь я понимаю всю прелесть этой веселой, беззаботной жизни.

Раз, вечером, на веселом пиру, я лежал подле Лазуры, в кругу всей нашей веселой и веселившейся толпы. Лазура ласкала, улыбаясь, мои волнистые кудри, точно так же, как она ласкала всех без разбора, и я смеялся, ловил ее маленькие бело-розовые ручки и целовал их. Потом она быстро вскочила и понеслась в пляске с другим юношей, а я, вместо того, чтобы засмеяться и точно так же броситься вертеться с какой-нибудь из тех прекрасных девушек, которые лежали возле меня, я вдруг почувствовал, что я одинок и что все эти девушки не заменят мне одной Лазуры. Когда Лазура вернулась на свое место, я хотел снова положить голову на ее плечо, хотел схватить ее хорошенькую ручку и не мог. Я чувствовал, что во мне происходит что-то

странное, не испытанное. Она быстро обернулась ко мне, улыбаясь, посмотрела на меня и потом вдруг захлопала в ладоши, так что все к ней обернулись.

— Смотрите, — закричала она, указывая на меня, — вот чудо! Между нами чужой! Он верно вырос из каких-нибудь семян, которые были принесены к нам водой или ветром из людского света. Ну, мы сейчас будем охотиться за ним, а чтобы прохладить его, мы его выкупаем. Кыш! ату его, чужой! — И она махнула рукой и в то же мгновение я, весь сконфуженный и перепуганный, полетел в виде лебедя прямо в море, а вслед за мной полетели орехи, яблоки, апельсины, камешки; — каждый бросал чем попало мне вдогонку, и все кричали: ату его, ату, чужой! и все хохотали до упаду.

И стал я жить лебедем между множества других лебедей, но они избегали и дичились меня. Раз фея Лазура, со всей своей блестящей свитой, в жаркий полдень, явилась на Лебяжий остров. Все стали купаться в море, все веселились, брызгались, шутили, хохотали, все играли с лебедями, которые также все были

веселы, хлопали крыльями, ныряли, брызгались и кричали, как бешеные. Мне также было весело, я подплыл к фее Лазуре вместе с другими лебедями, она брызгала воду нам в глаза, а мы хлопали ей крыльями по рукам. Вся облитая солнечным светом, веселая, живая, она вся сияла неудержимым восторгом, и все в хрустальных брызгах воды, как в бриллиантах, ее тело сверкало в голубых волнах, как бледно-розовая морская пена. Я подплыл к ней ближе всех других лебедей, я жадно ласкался к ней, ловил ее брызги, но другие лебеди постоянно толкали меня и громко кричали. И вдруг какая-то злоба вспыхнула в моем лебяжьем сердце. Я бросился, как бешеный, на всех моих товарищей и начал жестоко бить их сильными крыльями.

— Что ты, что ты! — закричала фея Лазура. — Постой! Видно ты и в лебединой шкуре остался все тем же человечьим отродьем! Нет, видно тебе не место между нами! Прощай, ступай в тот самый мир страстей и пороков, добра и зла, лжи и правды, которому ты принадлежишь по натуре. Ступай, и не возвращайся к нам до тех пор, пока ты не узна-

ешь его и не почувствуешь к нему полного и глубокого отвращения.

И как бы гонимый невидимой силой, я поднялся с родимых вод и полетел прочь от Голубых островов, через синее море, в неведомую даль, в людской мир, далеко, далеко! Я не буду рассказывать вам, что я видел и сколько страданий я пережил. Не раз я прилетал к Голубым островам с глубоким омерзением и ненавистью ко всему людскому, с желанием остаться на них. Но невидимая сила снова гнала меня прочь в этот ненавистный и презираемый мир, где я принужден был скитаться. Наконец, я поселился на этом озере, где жила ты, Мила, с твоим отцом. Я думал, что мне удалось там найти спокойный приют между добрыми, честными и любящими людьми. Злая царица и там уничтожила мое тихое пристанище.

Когда я принес тебя сюда, я думал, что срок моего изгнания не кончен и что я буду принужден искать снова тихого убежища для всех нас. Но я оставался покоен, ничто не отгоняло меня от Голубых островов, и так я прожил с вами целых пять лет. Правда, в моем

сердце уже не было и нет никакого враждебного чувства, в нем нет ни злобы, ни презрения, ни ревности, но в нем нет также и любви, и мне не жаль вас потерять, только бы жизнь ваша изменилась к лучшему. Вы оба — любящие и дорогие друг другу взрослые дети. В ваших детских сердцах нет места никакому тяжелому, враждебному для кого бы то ни было чувству, но эти сердца только тогда будут покойны и защищены от всякого горя, когда в них не будет той страсти, которая горит в них теперь таким чистым, но бурным огнем».

VI

И еще не договорил он последнего слова, как вдруг в воздухе, где-то вдали, раздалась чудная музыка. Звуки ее росли, разливались; она приближалась. Лебедь, слышав ее, весь востепенулся. Он радостно закричал, поднялся и тихо полетел ей навстречу. Мила и Нолли пошли за ним; за ними тихо побежал старый, дряхлый Волчок, и полетели все попугаи, громко крича и каркая.

Когда все они обогнули высокий мыс и повернули на южную сторону острова, то перед ними развернулась вся широкая панорама Голубых островов, на которую не раз любовались Мила и Нолли. Целый громадный круг этих островов в самых прихотливых очертаниях расстилался перед ними. Они стояли в синей воде, один возле другого, целой группой, как цветники или корзины с чудными растениями. Они терялись вдали в голубом тумане, и между ними как бы царил высокий остров феи Лазуры. Музыка неслась из этого голубого тумана, она как будто плыла между островами, и жадно ловили Мила и Нолли

эти звуки и ждали: что, наконец, выплывет на простор синего моря из целой рощи Голубых островов?

Показалось, наконец, что-то большое, волнующееся, как облако, блестящее, сверкающее радужными цветами. Больше и больше выплывал этот чудный предмет из голубого тумана, ближе придвигался он к острову Попугаев, и, наконец, Мила и Нолли начали различать в этом хаосе ярких пятен и сверкающих искр группы человеческих образов. Длинная вереница прекрасных юношей и девушек, перегоняя друг друга или сплетаясь и расплетаясь в прихотливых хороводах, неслась над водой, плыла по воздуху, а по морю плыла большая лодка, и впереди нее плыло и летело множество лебедей. Ближе и ближе подвигалась эта чудная группа. Громче гремела невидимая музыка. Ее звуки дрожали и прыгали, кружились и искрились, и обхватывали каждого каким-то бурным восторгом. Вот уже отделилась эта группа от всех островов и прямо плывет к острову Попугаев; уже ясно различают Мила и Нолли чудные веселые лица этого воздушного, ликующего ка-

равана, в праздничных, легких, блестящих одеждах. Они видят, как группа чудных детей несется впереди всего поезда, с детскими, радостными, смеющимися лицами, вся увитая и перепутанная, как цепями, широкими гирляндами белых роз. Они видят и белую лодку, изукрашенную тонкой золоченой резьбой и всю обвешанную густыми фестонами зелени, над которыми широкими волнами развеваются по ветру розовые ленты. Стаи белых голубей играют и вьются над лодкой. Громче и громче несутся радостные звуки, уже можно различить веселый говор и смех и крики лебедей и слова песни, которую хором поет, под лад чудной музыки, толпа детей и нарядных девушек:

*Мы, дети природы,
Мы, птицы свободны,
Блестим и сверкаем,
Поем и играем.
В прозрачных, воздушных струях.
Без дум и сомнений,
В чаду наслаждений,
Кружимся, порхаем,
И горя не знаем
В чудных, роскошных садах...*

Ближе и ближе лодка, громче и громче чудная музыка, и вот подплывает лодка к берегу, где стоят Мила и Нолли, и вся смеющаяся, веселая толпа окружает их. Шум, говор, смех! — Чудные девушки и юноши обнимают, ласкают и целуют Милу и Нолли.

— Вы наши, наши, — кричат они, — наши дорогие, милые гости из скучного, далекого от нас, тяжелого мира!

Они быстро убирают цветами и листьями плюща Милу и Нолли, они постоянно говорят, поют и смеются, а Мила и Нолли, сами не зная как, уже сидят в лодке, на высоких местах, среди цветов и смеющихся лиц. И лодка плывет сама собою назад, посреди летящей и ликующей толпы, и снова гремит чудная музыка, и снова раздается веселая песня:

*Лазурное небо,
Лазурное море!
Прочь страсти и горе!
Вокруг нас вечная
Жизни весна
Придите, вкусите
От роз наслаждения
И страсти, волнения,
Раздумье, сомнения*

*Замрут в упоеньи,
Как тихого моря.
Немая волна.*

Наконец, лодка круто повернула направо, вдоль голубого пролива, и за последними кущами деревьев, уходивших на мысу в море, открылся громадный остров феи Лазуры.

Мила и Нолли невольно схватились за руки, вскрикнули и замерли от удивления. И действительно, ничего величественнее и великолепнее этого острова никто никогда не видал ни во сне, ни в сказке.

Это было что-то необъятное, громадное, широко раскинувшееся над горизонтом и высоко уходившее в темно-синее небо сверкающими вершинами. Это была громадная гора, горевшая разноцветными огнями, блестящая золотыми пятнами, переливавшаяся всеми цветами радуги, всеми красками опала и яркого перламутра.

Быстрее и быстрее плывет лодка. Остров Лазуры как будто идет ей навстречу. Музыка гремит какой-то фантастический, веселый марш, и в ответ ей гремит с острова другая музыка, еще фантастичнее и величавее.

VII

В восторженном упоении сидят Мила и Нолли, сами себе не веря, как будто робея и радуясь чуду, которое совершается перед ними.

Вот уже можно различить, что белый пояс, который окаймлял остров, — не морская пена, а целая полоса огромных белых водяных лилий. А над ними снопы огромных трубчатых цветов, то белых, то сиреневых, высятся над всевозможными листьями, а еще выше их возносятся кверху громадные деревья, то округлыми куполами, как массы неподвижных зеленых облаков, то прямыми, стрельчатыми пирамидами, то широко раскиданными и гордо качающимися узорчатými веерами.

Далеко в море выбегают из массы этой невиданной зелени два широких выступа из голубого хрусталя, и на них стоят высокие серебряные канделябры, из чаш которых несетя густой расходящийся молочно-синими волнами благоухающий дым. Между этими выступами начинается ряд широких лестниц, ведущих прямо к огромной террасе хрустального дворца. Лодка тихо пристает к подно-

жию этих лестниц. Оба хора музыки сливаются в один общий веселый, торжественный гимн, и под звуки его, среди блестящей, ликующей толпы, Мила и Нолли, сами не понимая, что с ними делается, всходят по этой лестнице.

Выше и выше поднимаются они; сильнее и блеск, и шум, и говор, и громче, громче гремит чудная музыка. И вот, наконец, ступили они на последнюю ступень, и широким полукругом развернулась перед ними блестящая терраса, вся залитая ярким солнечным светом, вся горевшая бриллиантовыми огнями. Сотни фантанов и чудных каскадов летят по всем направлениям, бьют и брызжут и сверкают целым потоком сияющих искр.

И волны яркого света переливаются над всеми, над целыми толпами, группами чудных девушек и юношей, и в этих волнах носят, то замирая, то снова возвышаясь, звуки невидимой музыки. Ослепленные, пораженные этим блеском, остановились Мила и Нолли, крепко схватившись за руки. Они видят, что в середине всей группы, там, где сильнее блеск и свет, на снежно-белом возвышении,

как на светлом облаке, облокотилась фея Лазура.

Они смотрят на ее дивно-прекрасное, приветливо улыбающееся лицо, и как будто лучи непобедимого веселья выходят из этого лица и прямо льются к ним в трепещущие сердца. Тихо поднялась фея Лазура, встала и, медленно протянув руки к Миле и Нолли, пошла к ним навстречу. Смолкла музыка, затих шум и говор, и среди тишины раздался, как чудная музыка, чарующий, ласкающий голос прекрасной феи.

— Придите ко мне, — говорит этот голос, — вы, бедные скитальцы скучного мира страстей и горя, придите ко мне, добрые, милые дети, и пусть сердца ваши отдохнут в упоении светлых восторгов, свободные от всех тяжелых волнений житейского моря! Придите в мирное пристанище, где горит вечный огонь наслаждения и льются бесконечными волнами веселье и удовольствие!

VIII

Она тихо взмахнула руками, и снова раздалась веселая музыка, и под такт ее аккордов медленно выступили из толпы четыре прекрасные женщины; это были четыре помощницы феи Лазуры: Наслаждение, Веселье, Удовольствие и Забава. Они захлопали в ладоши, и вся толпа закричала:

*На луг, на луг,
На мягкий, душистый ковер,
Под тень дубов вековых,
Под тень виноградной ливы!..*

И не успели еще замолкнуть звуки последних слов, как со всех сторон раздалась звуки серебряных колокольчиков, послышался топот, от которого задрожала земля. И вот из всех боковых аллей и рощ, примыкавших к дворцу, прямо на его террасу ворвалось целое стадо белых, как снег, серебристых, стройных антилоп и газелей. Все они были убраны розовыми лентами и обвешаны гремевшими серебряными бубенчиками. Они смотрели веселыми, большими черными глазами на всех,

они смешивались с толпой, прыгали, ласкались. А юноши и девушки вскакивали на них, смеясь и целуя их.

Еще не успели прийти в себя Мила и Нолли, как подхватили их и посадили на белых газелей. И вот понеслись они вместе, воздушным полетом, с этим бурным потоком, под звуки шумной музыки, под пенье громкого хора:

*На луг, на луг,
На мягкий, душистый ковер!..*

И вот Мила уж на лугу, а вокруг нее щебечут, как ласточки, играют, как дети, ее новые друзья и подружки. Они поднимают Милу на воздух, и хохочут, и радуются, когда у ней кружится голова и замирает сердце от этого воздушного полета. Мила ищет своего Нолли между всеми этими, столь похожими на него, юношами.

— Это ты, мой дорогой Нолли! — говорит она, обращаясь то к одному, то к другому из них, а они дивятся и смеются ее словам.

— Мы все Нолли, — говорят они, — потому что у нас нет ничего своего, отличного от дру-

гих. Мы все, милая Мила, дети воздуха и света, и никто из нас не принадлежит другому и мы никому не принадлежим: мы так же свободны и безразличны, как воздух и свет.

И Миле становится тяжело среди этой чуждой ей, непонятной, блестящей толпы.

— Нолли, где ты, дорогой мой? — думает она.

А Нолли далеко, в другой стороне громадного луга, и вокруг него также роятся, ликуют его новые друзья и подруги. Он также ищет между ними свою Милу, он хочет спросить ее: весело ли ей, рада ли она, дорогая, довольна ли всем этим блеском и неподдельным весельем? Но напрасно он вглядывается в смеющиеся, ликующие лица милых девушек, — между ними нет ясных, задумчивых, любящих глазок и кроткой нежной улыбки его ненаглядной Милы.

— Нолли, Нолли! — раздаются вокруг него серебряные, ласковые голоса, и его хватают за руки и увлекают в пестрые хороводы, в бесконечную вереницу, которая, под звуки ликующей музыки, как сверкающая змея, вьется, волнуется, летит над ярким, бархатным лу-

ГОМ.

Закатилось солнце. Фосфорический свет разливается в вечернем тумане, а полный месяц выплывает из-за потемневших вершин, освещая зеленоватым светом и широкий луг, и спящие рощи, и шумные каскады. Мила бродит одна по полянам.

Мимо нее, как легкие тени, освещенные месячным блеском, проносятся все те же веселые, довольные толпы и смеющиеся лица.

Они кружатся под бесконечные аккорды плавной музыки, тихой, как Эолова арфа.

Отовсюду слышится легкий, сдержанный шепот, и тихий смех, и журчащий, отдаленный говор... Мила бродит усталая и везде вглядывается и ищет своего Нолли.

Вся утомленная, подходит она к дереву.

— Это ты, Нолли? — говорит она какому-то призраку, стоящему у дерева, и хочет идти мимо. Но призрак схватывает ее за руки.

— Мила, дорогая моя Мила! — говорит он дрожащим голосом. — Ты ли это? — и Мила лежит уже на груди Нолли, бледная, без сознания от радости и утомления.

Берет ее Нолли на руки и несет к холму,

где журчит ручей. Он трет холодной водой виски Милы, он брызгает ей в лицо, и Мила тихо открывает глаза.

— Нолли, — говорит она, обняв его и целуя, — дорогой мой, я тебя везде искала целый день!

— Разве тебе не весело было, разве ты не забыла меня?

— Ах, Нолли! Мне кажется, сердце не может забыть того, с кем оно сроднилось. Оно ищет не ласк, не веселья, а глубокой любви! — И Нолли крепко поцеловал свою Милу! Он смотрит, любит на ее бледное лицо, на ее усталые глаза.

— Усни, дорогая моя, — говорит он, — ты утомлена всем этим шумом и блеском! Усни и встань завтра свежая, как утро.

И он повел ее на небольшую лужайку, на которой росли высокие тополи. Он уложил ее на мягкий мох, а сам, весь измученный впечатлениями дня, прислонился к толстому стволу тополя и так сладко задремал, что не слышал, как скатился на мягкую траву.

А Мила, припоминая все виденное и слышанное, долго не могла заснуть. Она смотре-

ла на светлый месяц, блестящий сквозь темные вершины, и на яркие звезды.

— Нолли, — тихо заговорила она, — послушай! Они уверяли меня, что все знают; они знают, что делается на этом светлом месяце и на этих далеких звездах, и вокруг нас, и в глубине океанов, и в глубине земли. Они уверяли, что лучше ничего нет того беззаботного блаженства, в котором проходит вся их жизнь. Ах! Нолли, неужели это правда?.. Ведь они точно маленькие дети! Такие же простые, добрые и смешные!.. Нолли, ты слышишь?.. Но Нолли крепко спал...

IX

Высоко светило солнце над высокими вершинами тенистых деревьев, когда проснулась Мила. Множество блестящих птичек носилось вокруг нее. Они пели, щебетали, садились к Миле на плечи и на руки, а Мила улыбалась им, протирая глаза. Она встала и пошла к ручью, который шумел в стороне. Вокруг него росли чудные, невиданные цветы. Она умылась холодной водой, нарвала полный букет этих цветов и положила его перед глазами Нолли. Потом она начала спускаться вниз с одного холма на другой. На каждом шагу ее поражало какое-нибудь чудо из мира волшебных растений.

— Да, — думала она, — здесь действительно хорошо, но только вдвоем с моим милым Нолли. Впрочем, с ним и везде хорошо! — И она продолжала спускаться. Вдруг тихие, протяжные стоны донеслись до ее слуха.

— Как же, — думала она, — говорили они, что здесь нет страдания: разве это стоны веселья?

Она шла к тем кустам, откуда раздавались

эти жалобные стоны, ближе и ближе слышались они, и вдруг на камнях, обросших мохом, она увидела что-то небольшое, черное, косматое, лежит и стонет. Она сделала еще несколько шагов и вдруг бросилась к этому странному предмету.

— Волчок! — вскричала она. — Бедный Волчок!

Да, это действительно был он, бедный Волчок.

— Волчок, мой добрый Волчок, — говорила она, — что с тобой?

Он узнал ее, встрепенулся и радостно завизжал; он смотрел на нее своими умными, ласковыми глазами и лизал ее руки. Мила пробовала поднять его, поставить на ноги, но он не мог стоять и падал, как мертвый. Он весь дрожал, судорожно махал ногами, как будто хотел бежать, хрипел, и светлые глаза его затемнились тусклой синевой.

— Нолли! — вскричала Мила, чувствуя, как слезы подступают ей к горлу и душат ее. — Нолли, где ты?... Он умирает!..

А Нолли был уже тут, возле Милы. Он давно отыскивал ее. Он прибежал, наклонился

над Волчком, и Волчок узнал его своими потухающими глазами. Он собрал последние силы, подполз к ногам Нолли и, судорожно вытянувшись, умер у этих ног.

Нолли смотрел на него, гладил его труп, и воспоминания быстро пробегали в его голове. Ему представлялось, как он лежал с Волчком в одной конуре, как никогда он не разлучался с ним, как Волчок вез его в бочке по морю и как привез, наконец, к его дорогой Миле, на остров Попугаев. И вот ничего, ничего теперь не осталось от этой верной любящей натуры, кроме неподвижного трупа. И сердце Нолли сжималось и ныло, а Мила рыдала, припав к плечу его. Слезы ее падали на землю. Это были первые слезы на острове феи Лазуры, и каждая слезинка, падая на землю, превращалась в черную розу.

Х

А вдали снова раздавалась все та же веселая музыка. Ближе и ближе неслись ее звуки, и вот прямо к тому месту, где стояли, наклонясь над трупом Волчка, Мила и Нолли, летел бешеный, веселый поезд. Он все обхватывал кругом неудержимым весельем, и все летело за ним, в упоении и в восторге: летели птицы, летели бабочки, летели цветы, которые не могли удержаться на своих стебелях, даже листья — упавшие, мертвые листья, и те не выдержали, крутились и вихрем неслись вместе с летучим поездом.

— Мила, Мила, Нолли! — кричали, проносясь мимо, их вчерашние друзья и подруги. — За нами, за нами, в золотые рощи, на Зеленое Озеро!

Вот подлетела к ним и фея Лазура, лежа на огромной белой чайке, такая же блестящая и веселая, как вчера, подлетела и быстро остановилась.

— Неисправимые дети неисправимого людского рода! — вскричала она и засмеялась. — Вы плачете над мертвой собакой!

Поймите, что здесь, в моем царстве наслаждения, нет, не должно быть ни страдания, ни страдания. Колесо жизни вечно вертится, образы ее мелькают, вечно меняясь и переливаясь друг в друга; жизнь играет с ними как дитя, с полной, безграничной свободой. Поймите же это, и пусть в ваших детских сердцах также играет безграничное, свободное, бесстрастное веселье!.. Этот труп собаки на вашей земле долго бы гнил, медленно превращаясь в новые образы: здесь эти превращения совершаются мгновенно.

И она махнула длинным шарфом, который обвивал ее стройную талию — и труп Волчка вдруг превратился в пышный куст розмарина.

И фея Лазура унеслась вместе с веселым поездом. А Мила и Нолли, обнявшись, пошли прочь от куста розмарина, который для них был так же чужд, как и все, что их окружало.

Они ушли в густую, тенистую чащу темных миртовых деревьев, и там сели под раскидистым кедром.

— Нолли, — говорит Мила, закрыв глаза, — мои мысли бегут, и я никак не могу остано-

вить их. Голова моя кружится. Скажи мне, дорогой мой, что такое смерть? И неужели, как говорила Лазура, жизнь есть вечная перемена различных образов? Для чего же живем мы, волнуемся, страдаем, и неужели действительно нет ничего лучше, выше, блаженнее той жизни, которой живут эти веселые дети, окружающие Лазуру?

— Мила моя, — говорит Нолли, — сердце привыкает к тем волнениям, с которыми сжилось оно с детства, ему тяжело расстаться с этими сильными, но сладкими страстями. Если же оно не сроднилось с ними, то для него нет ничего желаннее мирных удовольствий, среди которых так легко и свободно живется...

— Ах, нет, нет, дорогой мой! Это все не то, — говорит Мила, грустно качая головой. — Я не могу передать того, что думаю, что чувствую, но это все не то!..

И они оба замолчали, и думы их шли разными путями. А время летело быстро и незаметно, без шума, в этой невозмутимой тиши тенистой рощи.

— Мила, друг мой, — говорит Нолли. — В

чувствах, как в море, есть приливы и отливы, — и в них есть темные и светлые стороны, ночь и день. Потеря Волчка представляет тебе все в черном тумане, и для светлого чувства нет теперь места в твоём страдающем сердце. Но это чувство пройдет, как проходит все в этом изменяющемся мире, и его место займет тихая радость. Если бы в нашем сердце волновались постоянно глубокие, сильные страсти, оно не выдержало бы этого высокого могучего строя, и его тонкие струны должны были бы разорваться. Но жизнь идет своим мелким, обычным ходом, и на ее мелочах успокаивается это нежное, чуткое сердце, до новых тревог и волнений. Когда же для него открывается мир тех мелких восторгов, которыми наслаждаются эти дети Голубых островов, тогда оно живет постоянно ровной, счастливой жизнью.

— Ах, нет, это не то, это все не то, дорогой мой.

— Поверь, моя родная, — уверяет Нолли, — что когда улягутся в тебе грустные волнения этого дня, ты веселее взглянешь на все тебя окружающее, и все покажется тебе в другом

свете.

Мила припала к груди его и ничего не отвечала, потому что чувствовала, что все это не то, и ей было тяжело, что ее дорогой друг Нолли не понимает ее.

— Мила, — говорит Нолли, — я помню, когда я был маленьким мальчиком, я целый день работал, и я помню, как говорили, что тот доволен и весел, кто жизнь свою проводит в полезных трудах.

— Но для чего же трудиться, Нолли, — шепчет Мила, — когда нет нужды в этом труде, и тебя окружает полное довольство?..

И как бы в подтверждение слов ее, перед ними вдруг развернулась белая скатерть, и вся она уставилась вкусным, роскошным обедом. А они долго сидели молча и смотрели на этот обед.

— Мила, — сказал Нолли, — когда голод давит нас, то все представляется нам в уродливом и грустном виде, а мы с самого утра ничего не ели с тобой, дорогой друг, съешь хоть что-нибудь, попробуй, и твои тяжелые думы уснут, и сердцу станет легче.

Мила хочет напомнить Нолли, что она по

целым дням ничего не ела, когда ждала его или считала его умершим; что человек не может есть, когда он весь переполнен тяжелым волнением... но она не хочет огорчить своего дорогого Нолли и берет сочный, ароматный плод. Она вспоминает при этом, как приносили ей такие же плоды попугаи. Ах! Это было так недавно, а ей кажется, что уже целые годы пролетели с тех пор, пока она оставила остров Попугаев, на котором протекло ее беззаботное детство. Правда, она испытала там много страданий, но они были легче, да, гораздо легче тех тяжелых дум и вопросов, которые поглотили теперь все ее сердце, все ее мысли.

— Мила, — говорит Нолли, — выпей немного вина, и в твоём сердце заиграет оно и прогонит из головы тяжелые думы.

— Нет, — говорит Мила, — моих тяжелых дум не прогонишь вином, и разве это счастье — жить в каком-то опьяняющем чаду? Разве жизнь — шутка? неужели и мысли надо так же гнать из головы, как чувства из сердца? Ах, дорогой мой! Что же тогда останется в жизни?..

ХІ

И Мила сидит с своими тяжелыми, неразрешимыми думами. Нолли целует ей руки, глаза, голову, но Мила сидит неподвижная, как бы окованная тяжелым, заколдованным сном.

— Мила, — говорит Нолли, и голос его дрожит, — дорогая моя Мила, что с тобою? Мне страшно за тебя и за себя: мне кажется, что ты не любишь меня больше!..

— Нет, Нолли, нет, мой милый друг, — и она крепко целует его, — я люблю тебя, но скажи мне: разве любовь не то же опьянение? Разве рано или поздно не ослабнут ее натянутые струны? Разве не улетят все грезы и ее сладкие волнения, как милый, обманчивый сон, и чувства не завянут в нас, как цветы поздней, морозной осенью? И тогда... что же останется в жизни?.. Ах, Нолли, Нолли! Скажи мне, для чего мы живем?!

И она ломает руки, и голова ее, измученная этим неразрешимым вопросом, тихо склоняется на грудь.

Она закрывает глаза, и ей кажется, что она

одна, одна в каком-то громадном, темном пространстве, и ряд образов носится перед нею.

Целую ночь просидел Нолли над нею, не смыкая глаз и не понимая, что с ней делается. У него самого сердце горело и мысли путались в каком-то тумане.

XII

А в тихом тумане ясного утра уже разливаются все те же звуки волшебной, веселой музыки.

— В них нет страдания и нет сострадания! — думает Нолли.

И снова проносится вихрем воздушный караван. Они несутся, эти чудные дети, в легких, как воздух прозрачных, белых одеждах на белых, серебристых, длиннорунных ламах.

— Мила! Нолли! — кричат они, — летим туда, на вершины холодных гор, купаться в утренних, серебристых туманах!

И Мила вдруг как будто очнулась от безумия.

— Нолли! — говорит она, схватив его за руку, — что же, несемся, дорогой мой, туда, туда, в вышину, в холодные туманы: мне ведь надо умыть мою горячую голову и пылающую грудь!

И они вскакивают на двух длинношерстных лам с розовыми ушами и несутся, несутся вихрем вместе со всем ликующим, воздушным караваном.

И, как птицы, порхают мимо них кусты, деревья, поляны, гигантские цветы и шумные каскады. Выше и выше встают голубые горы, круче становятся подъемы, глубже обрывы, громаднее разбросанные камни. Ламы летят, как бешеные. Целый поток сверкающих искр брызжет из-под их острых копыт.

Свежий горный воздух обдает горячее лицо Милы. Ее глаза блестят восторгом.

— Опыаненье! опыаненье! — шепчет ей все тот же неутомонный внутренний голос.

Но она старается не слушать его и несется, как бешеная, на бешеной ламе...

— Нолли, Нолли! — вскрикивает вдруг пронзительно Мила.

Он быстро оглянулся, но Милы уже не было: только легкая пыль поднималась над обрывом, куда она полетела вместе с оборвавшейся ламой...

В одно мгновение Нолли соскочил с ламы. Не помня себя, он подбежал к обрыву и, вероятно, бросился бы в него, но здесь силы ему изменили, сердце остановилось, и он упал без сознания. Ламы и всадники с криком и смехом неслись мимо него все выше и выше, и

когда он пришел в себя и открыл глаза, то весь блестящий караван был уже далеко, под облаками.

XIII

Медленно поднялся Нолли и начал спускаться вниз по огромным каменистым уступам. Несколько раз ноги его скользили, он обрывался и стремглав летел вниз, падая на камни. Наконец, весь израненный, он спустился на самое дно пропасти, уставленное огромными скалами, между которыми стремительно бежал шумный поток, весь в пене и брызгах. Нолли пошел к тому месту, где обвалилась и упала Мила.

Издали он уже увидел что-то белевшееся между камнями. Он подошел к этому белому пятну — это лежала она. Ее белое платье было все в крови, голова проломлена, грудь разбита.

Он подошел и поднял этот бесчувственный труп. Он смыл кровь с ее лица, тихо опустился на камни и положил ее к себе на колени. Он смотрел на это бледное лицо, на эти дорогие черты.

Тусклые глаза Милы были полузакрыты, темные брови приподняты красивыми дугами, сжатые губы улыбались грустной улыб-

кой.

Нолли смотрел на это прекрасное, спокойное лицо и ничего не чувствовал. Его сердце окаменело, в голове не было мысли. Он только смутно сознавал, что он был одинок, что вокруг него необозримая, мертвая пустыня.

Целый день сидел он неподвижно, ничего не слыша и не замечая. Вечером он очнулся. Поцеловал ее холодные, бледные руки, потом встал с этим дорогим трупом и, шатаясь, пошел с ним по берегу широкого потока.

К утру он вышел в цветущие равнины, покрытые зелеными роцами, усыпанные роскошными цветами. Голубой туман носился над ним, золотые лучи играли с ним. Нолли ничего не замечал, для него было теперь все мертвой пустыней.

Он вышел, наконец, на ту широкую террасу перед дворцом, на которую он вместе с Милой всходил три дня тому назад, весь переполненный трепетным восторгом.

Все также стоял дворец Лазуры, все также били, сверкали и шумели кипучие каскады. Но посреди этого шума и блеска не было ни одного живого существа, терраса была пуста,

как мертвая пустыня.

Он медленно начал спускаться по широким ступеням к голубому морю. Колени его дрожали, голова горела, кружилась, и весь он был переполнен одной мыслью, одной заботой, как бы не уронить этого бледного трупа, который был для него теперь всем, чем так дорожило его сердце в целом мире.

Около нижних ступеней тихо плескался в голубой воде белый Лебедь.

— Лебедь, — сказал Нолли, — лодку мне! Сжался, достань мне лодку.

Лебедь замахал крыльями и громко закричал; и к берегу подплыла большая белая лодка, вся покрытая позолоченной резьбой и широкими гирляндами зелени, та самая лодка, на которой приплыли Мила и Нолли на остров Лазуры. Только гирлянды и цветы в ней теперь поблекли и засохли.

Нолли сел в эту лодку с своей дорогой ношей, и лодка сама отчалила и тихо поплыла по голубому морю.

И возле нее плыл, грустно опустив голову, белый Лебедь, и ему все слышалась его любимая песня:

*По синему озеру Лебедь плывет,
Лебедь, мой Лебедь, серебряный
Лебедь!..*

Наконец, лодка остановилась, причалила к Лебяжьему острову.

Медленно, осторожно вышел из нее Нолли, неся на руках свою дорогую, неподвижную Милу. Лебедь тихо полетел в глубь острова, и Нолли пошел за ним.

Недалеко от берега была небольшая поляна под нависшими ветвями ив. Тут остановился Нолли и осторожно, как спящего ребенка, положил труп Милы под дерево. Потом он нашел большой сук, нашел и несколько плоских острых камней и принялся рыть землю, а Лебедь неподвижно сидел возле тела Милы и смотрел на работу.

Медленно шла она. Усталый, измученный Нолли работал через силу. Его ослабевшие руки дрожали, с его лица катились крупные капли холодного пота. Это были первые капли горького, трудового пота, упавшие на землю Голубых островов, а эти капли превращались в черных, безобразных червей, которые боялись света, которые могли питаться толь-

ко человеческой кровью, и, извиваясь как змеи, уходили в землю.

XIV

Время тихо тянулось. Плакучие ивы стояли неподвижно. Неподвижно лежала мертвая Мила, как белая мраморная статуя. Неподвижно стоял над ней Лебедь. Нолли, как крот, работал среди мертвой тишины.

Уже спускалось солнце к морю, когда, наконец, неглубокая могила была готова. Едва дыша, весь истомленный долгим трудом и безвыходным горем, Нолли взял труп Милы и поцеловал его таким поцелуем, как будто хотел в нем передать и свою жизнь, и свои страдания, и всю свою бесконечную любовь. Потом он тихо опустил этот труп на дно могилы.

— Лежи, — сказал он, — и медленно разрушайся, чудная, дорогая для меня голова, которую иссушила, сожгла тяжелая дума. Превращайся в холодный бесстрастный прах, чудное сердце, еще недавно полное безграничной любви и не могшее найти себе в жизни невозмутимое счастье!

Потом он вышел из могилы и хотел засыпать ее землею.

— Постой! — сказал Лебедь. Он приподнял-

ся, развернул крылья, закинул голову к небу и гордо запел громкую, лебединую песню. Эта песнь разливалась широким, могучим потоком; торжественно, как из громадного органа, неслись ее звуки, кружились над телом Милы и уносились в синее небо.

Кончил Лебедь, взмахнул крыльями, полетел прямо кверху, все выше и выше, и, наконец, потонул в темно-синем небе.

А Нолли забрасывал могилу землей. Она с глухим шумом катилась, падала на тело Милы, засыпала ей глаза, и каждый удар, как тяжелым молотом, бил по сердцу Нолли. Наконец он кончил работу и, шатаясь, пошел. Куда? Он сам не знал. Без цели, без желаний, как живой труп, бродил он по острову. Он вспоминал все последние речи Милы; он задумывался над ее словами, и чем больше вникал в их смысл, тем шире, величавее вставал перед ним один неразрешимый вопрос: что же мучило Милу? Чего недоставало для ее счастья?..

Остановился Нолли. Могучая дума охватила все существо его, и он окаменел в ней.

Летели часы, дни, годы. Прошли миллио-

ны лет.

Давно уже фея Лазура унеслась в какие-то надзвездные миры со всем своим царством счастливых существ. Давно уже пропал и след Голубых островов.

Уцелел только остров Лебяжий на Тихом Океане.

Он весь окружен подводными камнями и неприступными скалами, нет к нему ни подхода, ни подъезда.

На нем стоит Нолли и думает свою глубокую думу о том:

— Чего недоставало для полного счастья его дорогой, ненаглядной Милы?

Да! Чего недоставало?!